

Есенины

Раушанов

(1957–2021)

ЕСТЬ СУДЬБА У МЕНЯ...

* * *

Мне видится – во-он там стоит Ковчег Потопа,
И выпорхнет вот-вот голубка из него,
Чтоб землю оглядеть в окрестностях полета:
Иссяк ли там Потоп и мрака торжество?

Покружит над землей и разглядит сквозь дымку
Родную степь, аул и Казыгурт-гору,
Там девушка идет с тюльпанами в обнимку,
И юноша-поэт поет ей под домбру.

Послушает мой кюй посланница Ковчеха,
Забывшись и замлев от здешней красоты:
Здесь не было вовек потопа, мрака, снега,
И девичьим губам подобны здесь цветы.

С горы течет река, вплетая гул течения
В сгущающийся шум вечерней мошкары,
И девушка идет домой, в аул вечерний,
С охапкою цветов, вдоль Казыгурт-горы.

И долго среди степи еще белеет юбка
И рассекает мрак туманно-голубой...
И, вспомнив про Ковчег, летит к нему голубка,
Простой степной тюльпан неся перед собой.

* * *

Из чаши ни капли воды не прошло в ее горло сухое.
Лежала в жару моя мать и, шепча, все пыталась узнать:
«С чего это вдруг наш аул, о Аллах, что за время лихое, –
В кочевье не тронулся нынче?..
Среда, время путь начинать...»

Тревожилась, будто бы ей предстояло возглавить кочевье...
 А после закрылись глаза, и навечно сомкнулись уста.
 Нетронутой стыла вода, все стояла, качаясь зачем-то,
 Будто в чаше глухого провала, где властвует смерть, пустота.

Вспорхнула над крышами осень и выстлалась дымною мглою,
 Как пар над котлом, над землею... Я вышел во мгле на крыльцо.
 Я поднял ту чашу с водой и плеснул ее в серое, злое,
 Прямо в подлое, серое, злое, ненавистное смерти лицо.

НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ

– Есть ли родственники у Вас за границей?..
 – Я не обязан Вам отвечать...
 – Нет, обязан. Не положено здесь молчать,
 Тем более если нужна на бумагу печать...
 – Ну, тогда заполняйте за страницей страницу!
 Пишите:
 Во-первых, отец. Он – там.
 Мать, во-вторых...
 За отцом она – там же...
 Две мои бабушки с ними – также...
 А потом за ними ушел по пятам
 Старший мой брат...
 Если сила Ваша,
 Верните их мне, их степям и садам!..
 Не можете?..

Я ведь и сам, до рассвета
 Глаз не смыкая, в былые года
 Мечтал в ту далекую сторону света
 Уйти за ними – туда, туда...

Но мать подала мне однажды оттуда
 Тайную весть: «Прекрати, прекрати», –
 Сказала, и это было как чудо,
 И это вернуло меня с полпути.
 Давненько без них живет Казахстан...

– А письма пишут?
 – А писем пока
 Не приходило за долгие годы-века
 Из государства по имени Небостан-Аспанстан...

Правда, иногда, в мерцающей дымке
 Они сами приходят ко мне по ночам,

И тогда я всматриваюсь в эти сны-невидимки
И прислушиваюсь к их неясным речам,
А разобрать ничего не могу среди тумана...

Но мысли мои предельно ясны:
Если и покину рубежи Казахстана,
То в направлении именно той стороны...

* * *

«Медь нашли в Шалкие!.. Понимаете? – Чистую медь!..»
Слух разнесся в народе. К Шалкие стал стекаться народ.
Дастарханы раскинули, разложили питье и снедь,
И – айда всей толпой счастливой набивать на радостях рот!

Только старый один человек не стал толпе потакать,
Куска со стола не тронув, сказал, провиденьем ведом:
«Ну, если уж на этой лысой горе сумели медь отыскать,
То у нас, в краю благодатном, золото мы найдем.

Мы же ленивый народ, нам искать его просто лень,
Но уж если мы захотим, отыщем! – поверьте мне,
Стоит лишь взяться нам, и в один распрекрасный день
Золотая жила блеснет в нашей родной стороне...»

Выслушав речь старика, позабыв о еде и питье,
Люди, как замороженные, двинулись вслед за ним.
Если с утра разговоры шли только о Шалкие,
То к вечеру интересны мы стали себе самим.

Джигиты легки на подъем, им только цель укажи.
«Золото мы найдем!» – в грудь себя били, бодрясь.
Правда, никто не сказал, где конкретно оно лежит,
Но то, что золото есть – почему-то решили все враз.

Слава богу, никто не стал перепахивать степь, кураи,
Разрывать могилы... – не зря лень наш мир, наш покой сторожит.
...золото есть у нас. Это точно, друзья мои,
Только и я не скажу, не скажу, где оно лежит.

МОТОРИСТ МУХИ

Ночь расстелила над миром свое покрывало... но нет,
Не скажешь, что тьмой кромешной объял всю округу сон.
Всю ночь моторист поселку дает постоянный свет,
И сердце его мотора с ритмом сердца стучит в унисон.

С вечера наше «сердце» свою песнь начинает снова,
 Мухи, ночной богатырь, ей дает за повтором повтор...
 Сколько мы его знаем, он хозяин света ночного,
 С годами ни он не меняется, ни его знаменитый мотор.

Так оно было вчера. И завтра будет. И ныне.
 Пусть даже качнется земля, пускай накренятся миры!..
 Стоит богатырь, прислонившись к могучей железной станине,
 Стоит, точно черный тальник, у дышащей жаром горы.

Только днем мотор отдыхает, как отдыхают созвездья.
 Пахнет машинным маслом. Стоит тишина кругом.
 Всю ночь богатырь оглашает аул светоносной вестью,
 И только под самое утро возвращается Мухи в дом.

...теперь ненаглядного «светика» вспоминает его старуха,
 Ушедшего на тот свет вот как будто только вчера...
 И только внучок хохочет, смешно оттопырив ухо,
 И думает, что все это просто слов похожих игра.

Игра есть игра, и ребенку обычно понятно лишь это.
 Толкует он все по-своему, любому событию в ответ:
 «Мой дедушка целую ночь не смыкает глаз до рассвета,
 И тому, и этому свету дает мой дедушка свет...»

* * *

Я помню, как сказку вечернюю, вечную,
 Все приметы неспешной аульной судьбы...
 От горы Бестюбе
 Пополудни, ближе к вечеру,
 Обычно возвращались верблюды с пастьбы...
 Я помню, как в самое буйное время года
 Река вздымала, по верблюжьи горбила льды,
 Крушила плотины
 всею тяжестью ледохода,
 С опор вырывала мосты.
 Я помню, как верблюдицы с переполненным выменем
 Ревели, верблюжат призывая к себе,
 А у костра их погонщик,
 Старик с затейливым именем,
 Начинал таинственный разговор,
 Витиеватую речь о судьбе ...
 Я помню, как месяц, словно рыжий верблюд-улек*,
 Грузно всходил в небеса, и звезды, блистая,
 От него разбегались, как искорки из-под век
 Распалившегося самца, попавшего к верблюдицам в стадо...

И тогда, лишь тогда, когда кончит погонщик рассказ
И сложит вдвое камчу, у огня пригревшись солово,
То на него посматривая, то на нас,
Наш старший брат начинает
Свое неспешное слово...

* Опытный верблюд, предводитель каравана.

* * *

Я проводил еще день... Еще один день умирает
Во-он там, далеко-далеко, за джайляу, за кромкой отрога,
Там горит тело Дня – тело Солнца горит – догорает
Погребальным костром Мажуси, древнеиндийского бога.

Я проводил еще день...
Он окончен, и хватит об этом.
Ночь идет по аулу – от тополя к тополию движется поступью властной,
И луны неживое лицо наполняется жизнью и светом...
Так почему же душа наполняется грустью неясной?

И откуда она? День как день...
Но уж если до пепла сгорело
Это тело – само божество! –
И в золе все тропинки, кусты,
То настанет же день, где я сам, где мое – понимаешь ты?! – тело
Вместе с ним догорит, тоже станет золой...
Понимаешь ли ты?

Заливается светлый ручей, хохоча меж скалистых ущелий,
А гора оттопыренным ухом ловит темное эхо, как жуть...
Я иду по золе, по руинам
Совершенно уже сумасшедший,
И, однако же, всем, как ни странно,
Совершенно нормальным кажусь.

* * *

Так спокойны леса и равнины, и ветра порывы так редки,
Что уснула округа ночная, не колышется во поле рожь,
Лишь осенний листок за окошком в лунном свете трепещет на ветке...
Не дрожи, мой листок одинокий, дрожью сердце мое не тревожь.

Почему же лишь сердце бессонно, когда все вокруг замирает,
Для чего ему эти сомненья, эти тайны – миры, бытие?..
Для чего оно любит и верит?..
Почему человек умирает?..
Не качайся, листок одинокий, не раскачивай сердце мое.

В эту ночь не уснуть мне, похоже...
 Я гляжу на округу в надежде
 Утвердись, что я так же вечен, как равнины, как звездная высь...
 Неужели все это когда-то – без меня уже! – будет все тем же?
 Не дрожи, мой листок одинокий, грустью в сердце мое не скребись.

Все останется тем же, я знаю, хоть трижды умри и воскресни,
 Я увижу свое продолжение – свой аул, родовое жилище,
 И сестра моя будет со мною, и любовь, и веселые песни...
 Но дрожит мой листок одинокий, так похожий на сердце мое.

* * *

Что вечно под луной? Цветы лишь да вино.
 Сказал старик Хайям, сказал давным-давно.
 Вино – как адский бред, цветы – как наважденье
 Живут с тех пор в душе отрадно и темно.

...Я помню ругань, вой, ночь пьяную в степи,
 Та ночь была, как пес, сорвавшийся с цепи,
 Не знаю про цветы, но у вина обиды
 Нет на меня, поверь... поверь и все стерпи.

Я говорю себе – терпи, коль ты поэт,
 Скандалы, грязь и мрак, и чей-то пьяный бред,
 Я говорю себе – стихов писать не надо,
 И все пишу, пишу... а вдруг не надо?.. нет?..

Мне страшно вспомнить те кошмарные года.
 Как только выжил я? Как не подох тогда?
 Как будто там Рустам прошелся с диким войском,
 А с ним рубилась вдрызг безумная орда.

Да, бедные года... – «Вылазь из гиблых ям, –
 Они сказали мне, – не ползай по краям!..»
 Омар Хайям был прав: вино, цветы – бессмертны.
 Он знал, что говорил, старик Омар Хайям.

Я больше никому не поклонялся так,
 Как пьянице-певцу, – он был большой мастак.
 «Великий Омеке! – сказал я, – ведь известно,
 Что и в твоей судьбе царил разгул и мрак».

И молвил мне Омар: «Своих лучей и тьмы
 Ты сам в себе творец, и не бери займы
 Ни от моей судьбы, ни от моих привычек,
 Забудь меня скорей... Договорились мы?»

ПОЭТ

В молодые года это было, в золотые мои, неприкаянные...
 Я с дружкой Аманханом по улицам шлялся, квартиру для найма искал,
 Вдруг навстречу Токаш – наш коке* – весь смурной, как из камня изваянный,
 Молча сгреб нас в охапку и в бар «Каламгер» затащил, и наполнил бокал.
 Он один среди шума и гвалта молчал – «Генерал без мундира»,
 Ни галдящих поэтов не видя, ни кокетничающих поэтесс,
 Ну а мы рядом с ним, словно два адъютанта вокруг своего командира,
 Все сидели и ждали: когда же проявит он к нам интерес?
 Нам казалось – пусть лучше ругает, уж если хвалить нас не хочет,
 Ждали мы хоть словца, хоть кивка, хоть движения век,
 Но глядел он недвижно – сквозь всех и, наверно, сквозь нас – в одну точку,
 Как его знаменитый, придуманный им «Ледяной Человек».
 Тут мне стало обидно, и шепнул я в сердцах Аманхану:
 «Да, Токаш Бердияров – поэт, но в душе его, видимо, лед.
 Или нас за собак он считает, что рыскают среди барханов
 И лишь гавкают, как пустобрехи, когда караван идет?»
 Но поэт вдруг вздохнул... И в глазах его черных озера
 Всколыхнулись... И голос его был, как эхо великой войны:
 «Мне приснились два брата погибших, семья нашей крепь и опора,
 Вот такие же точно джигиты, такие же точно, как вы...»

* Коке – старший в казахском доме: отец, старший брат, дядя.

* * *

Все, к чертям! Я уеду к себе. Я уеду на Родину. Точно.
 А вы что, полагали, что пусто гнездовье мое?
 Что корней у меня не осталось,
 Что я одинокая точка
 На одиноком коне среди пустыни?..
 Эх, вы, дурачье, дурачье!..

Есть судьба у меня, есть мой дом,
 И они не забыли о сыне,
 Что слонялся меж вас, оглоедов, угрюмый и темный, как тень,
 Есть и предки с далеких времен, есть они и поныне.
 (Если черт их еще не побрал на сегодняшний день.)

Нет, уеду!.. К чертям ваши склоки, и враки, и подлые вилы!..
 Лес объятая свои распахнет и расправит в улыбке лицо,
 Этот лес видел деда еще, он и мне для могилы
 Уделит, я надеюсь, не скоро, уделит хоть одно деревцо.

И отряд ченгеля молодого, густочупринный и ладный,
 Стоя в рост, молча встретит меня.
 Я сыграю ему на домбре.

И трава «птичий горец» – дузген, – мелко-мелко прищурясь с поляны,
Журавля вдруг во мне разглядит, в давнем друге по детской поре.

Я пройду босиком по реке, и за поймою, у переката,
Хитрый корень подводный, таящийся в черных кустах,
Как бывало, зацепит за ногу – вот так шутят здесь чертенята,
Вот такую забаву еще помнят в сказочных наших местах.

И земле необъятной моей я скажу, ее сын и поэт ее грешный:
«Знаешь, все у меня хорошо...»
Дальше слов не сумею связать.
А поверит ли бедная мне?
Ну, конечно, поверит, конечно!..
Жизнь-то, видишь, проходит, проходит..
Что еще остается сказать?

* * *

Вещь таинственная – память людская... Тайны ее глубоки...
Говорят, что мой дед был святой, хотя его дух-аруах
Был змеей серопестрой – так рассказывали старики, –
Она лежала в углу его дома, свернувшись клубком на коврах.

Позабылись раздоры и войны, но почему-то запомнила вся
Округа, что посвист змеи был пронзительней ветра в песках,
И что если в собрание старейшин дед входил, величаво неся
Эту тварь на плече, – лишь тоску пробуждала она в стариках.

Пусть осудят меня и мой сказ, пусть доказывают мне, что встарь
Нравы строгие были в чести, тварь не смела висеть на святом,
Только в день, когда умер мой дед, эта «нечистая» тварь
Чистым гневом исполнилась вся и хлестала о землю хвостом.

Я порой просыпаюсь и вдруг ясно чувую во мраке – змея
Подползает ко мне и, прильнув, обнимает меня горячо...
Это вовсе не призрак, не он, но История это моя,
Извиваясь, по телу скользит, взбирается мне на плечо...

«Что ты хочешь сказать – говори! Что ты предку желаешь сказать?» –
Вопрошает она, и «мой» дух всякий раз продолжает томить.
И боюсь я всегда одного, что не может змея развязать
Свои кольца, узлы – никогда не сумеет себя распрямить...

Много видывал в жизни я тех, кто считали святыми себя,
Все они разбегались, когда я рассказывал им про змею.
...и лежит она пестрым клубком, как и прежде, лишь кольца клубя.
Я живу и не знаю... Не знаю, как ей выпрямить спину свою.

* * *

В сердце ударило эхо гудка,
Тепловоз поплыл сквозь медовую ночь...
От спящего света
Заросли тальника
Испуганно отшатнулись прочь.

Вот и сбылся навязчивый сон –
Я еду и еду за окном...
Разбираю багаж, за окошком считаю столбы...
Несколько строчек тогда лежали на сердце моем,
По ним я и ехал, как по рельсам судьбы.

Я должен был вытащить, выволочь сам себя!..
Из окна дышала летняя ночь, бежали огни по росе...
Попутчицы-девушки так и не поняли среди сна,
Что я к ним ночью в Жанакоргане подсел.

Да, это было Начало!..
Свой Праздник всегда я сам
Затевал и скакал – впереди других.
Отставал иногда...
Но года прошли,
И в тоске по родным небесам
Я вновь завернул домой,
Снова пришел сюда.

Всё там же полчища тальника
продолжают буйно расти,
Всё тот же доносится из-за горы
тепловоза протяжный гул...
По строчкам стихов, накопившихся по пути,
Я снова сам себя доволок
До истока...
Здравствуй, аул.

* * *

Сорок дней прошло, как пришла зима,
Для людей и скота настали мытарства.
Улетели птицы в золотые дома,
В разноцветные государства.

Торжествует лишь ворон, горланя в зарю,
Воспевая морозы: «Чтоб вы все околели!..
Я был ханом... Не верите? Я говорю!
Я над миром царил в предыдущем колене.

И все птицы служили в рабах у меня,
Только каркну – все замирали!..»
Пусть орет себе черный, весь мир кляня.
Мир поверит ему едва ли.

Просто жалко – осень в этом году
Умерла так рано, что даже буранный вой
День за днем оплакивает эту беду.
Сегодня сороковой.

1932-Й. КАЗАХСТАН. ГОЛОДНЫЙ ГОД

«Здесь народ погибал» – молчаливо хрипит
Этот черный и дикий бугор,
Мир жесток, как ноябрь, – и не слышит обид,
Хоть ори за укором укор,
Лишь песок замечает былую беду,
Чахнут в сорной траве русла рек...
Скот здесь гибнул от голода в страшном году...
За скотом погибал человек...
Вихрь поднимет песок, и увидишь в песке
Мертвой девушки локон густой,
Подорожник его обвивает в тоске,
Все любуясь былой красотой.
А была она юной, живою была...
К ней джигит подлетал на коне,
И, в сторонке храпя, конь кусал удила...
И горели сердца, как в огне.
И звенели любви золотые слова,
Обвивала коса гибкий стан...
Подорожник-трава... подорожник-трава... подорожник-трава...
Казахстан...

ТОРЕБЕК, ЛЮБИТЕЛЬ ДОЖДЯ

«Надоел мне аул! – сколько раз повторять?..
Надоело мотыгою степь ковырять,
И кормить аккуратных несущек с руки,
И котов шелудивых гонять – от тоски...
Перееду я к вам. Мне аул не указ.
Скоро стану в столице похожим на вас...» –
Каждый раз, приезжая к родне погостить,
Продолжает он эти угрозы твердить.
Вот и этой весной он гостит в Алматы.
Теплый дождь третьи сутки всё льет с высоты.

Торбек на рассвете встает и, как тень,
Для чего-то бредет на вокзал каждый день...
Возвращается – бодрый, встает на крыльцо
И смеется, дождем омывая лицо.
Он дождю, как ребенок, один здесь и рад:
«Урожай, – говорит, – будет нынче стократ!
Будет влажной земля, хлеб в жару не сгорит...
Вдосталь будет травы...
Хорошо!...» –
Говорит.

Переводы Вячеслава Киктенко

АДАМ

Слух прошел: решил жениться Коркембай хромой,
Вся родня к нему на свадьбу собралась домой.
Вот приданое невесты, и невеста тут,
А в придачу – толки, сплетни...
Может, люди лгут?
– Говорят, невеста бремя носит в животе...
– Ну, хромцу – была б лишь баба... Был бы в чистоте,
Был бы сыт он и ухожен – будет счастлив так!
И доволен жизнью будет Коркембай-бедняк!..
Старый дом обмазал глиной, на работу скор,
Дверь приладил он на место, укрепил забор.
Коркембаева супруга видною была,
В том виновна лишь, что быстро сына родила.
Нету мяса для родившей – парень приуныл.
К счастью, им супруги родич ярку подарил...
Муж частенько на младенца искоса глядел –
Плачет мальчик то и дело, но здоров и цел.
Мать ребенка молодая бледная сидит
И в туман степи бескрайней горестно глядит.
...Сорок дней прошло, неожиданно заболел малец,
Начал кашлять непрерывно. Впал в тоску отец.
Знал он: только синий ворон может исцелить,
И ходил он по округе птицу ту ловить.
Дремлет, кулачки сжимая, мальчик в тишине –
Коркембай глядит с любовью, подмигнув жене.
Словно бы спугнуть боится детский сон большой,
Только шепчет: «Жеребенок! Жеребенок мой!»
Спит мальчишка и не знает ничего о том
Человеке, что случайно стал ему отцом.
...Жил недолго тот младенец – вскоре умер он.
Коркембаю безразлично стало – явь ли, сон?

Часто курит, равнодушен к этой жизни стал –
Половину сердца мальчик у него забрал.
Только ночью, не желая сон спугнуть родной,
Тихо шепчет: «Жеребенок!..
Жеребенок мой!..»

Перевод Ивана Голубничего

ДРЕВНИЙ МИР ЖАЙКА

Камыш береговой раздвинув, я
Вхожу, как барс отчаявшийся, в струи,
И только честь мне руку подает.
Настигнет смерть – не соберешь костей.
Но гордый стяг держа как можно выше,
Я сокрушу внезапного врага.
...Не для тебя картина битвы дикой.
Вернувшись на рассвете, вижу, как
Ты в горле сжался всхлипом затаенным.
Окончивший вечернюю молитву,
В тебе коня воображаю. Ты ли
Узнал меня, Жаик?
Твой жеребенок
Пришел к тебе.
Боялся б я едва ли,
Будь ты бурлив, сварлив и беспокоен –
Тогда бы мог и сам смирить врага,
Но ты – невинен, кроток.
Чистота
Прозрачная в тебе,
И весь в огне я.
И плачу я на берегу твоём,
Не для того рожденный, чтоб глумиться
Над красотой –
Чтоб защитить ее.

ВО ВРЕМЯ СУМЕРЕЧНОЙ МОЛИТВЫ

Вечерней молитве не нужно теней,
Должны умереть они.
Подмытый берег в лучах зари,
Как будто крови хлебнул.
И то же я думаю о холмах –
В крови они. Мертвый мир,
К воде, к земле преклоняя слух,

Я слушаю голос твой.
Закутана в черное, как вдова,
Береза, чья тень в земле.
– Безвинен я! – плачется мне росток, –
Прости меня, сводный брат!
Сегодня я всех их похоронил,
Сочувствий не услыхав.
Притихшим в лощине лежит аул,
А небо красным-красно.
В могилах и мать моя, и отец,
И старший, и младший брат,
И бабушка –
Всех забрала война.
Убила, не отдала.
Отечная, вышла висеть луна,
Дорога зашла в кусты,
Не спать мне сегодня который день,
Которую ночь подряд.

ИССОХШЕЕ СЕРДЦЕ

Мне снятся они, что давно мертвы. И сердце сухо стучит,
И нечем уже напоить его с тех пор, как угасла мать.
По-над аулом моим родным облако есть одно,
Откуда б ни возвратился я – встречает меня оно.
Без матери меркнет надежды свет,
Но облако есть мое,
Но облако вместе со мной идет,
К могиле идет со мной.
Стоит, бедняга, вместе со мной над головой моей.
Другие плывут себе да плывут,
Мое над холмом стоит.
Другие плывут, а оно стоит.
– Привет, вот и я пришел, –
Я матери мысленно говорю,
И слышит меня оно.
– Родная, здравствуй. Здоровы все,
Все живы, всё хорошо.
Ты завещала не плакать мне?
И – видишь? – не плачу я.
Я чту адат, как велела ты,
Обычаи наши чту,
Обряды помню, но не вернуть счастливых минувших дней.
Я сдерживаю печаль-тоску,
Но, отойдя чуток,
Вся затаенная скорбь моя рыдает со мной навзрыд.

– Родная, скажу: здоровы все, и всё у нас хорошо.
Всё выдержу, вытерплю до конца,
Я крепким стал, как кремень.
Да что ты, что ты,
Это не я слезу свою уронил!
Наверное, облако надо мной
Расплакалось... и дождит...

РЫЖАЯ ГОНЧАЯ

Октябрьские прохладные рассветы
Пустили в пляс тальник прибрежный темный.
С тех самых пор, как рыжий старец умер,
Не стало жизни и для рыжей гончей.
И миской стала у нее коробка,
Нора в канаве заменила будку.
Какая милость? Кто за грех в ответе?
Снохе и процветающему сыну
До псины дела никакого нету.
Ее прогнали со двора камнями:
– А ну, пошла!..
Идти пришлось недолго.
Там, у холма, где рыжий спит хозяин,
Улегся пес, усталый, исхудавший.
Бессильно взвыл.
Всю ночь он скреб могилу,
Всю ночь он скреб.
Остановилось сердце,
Свет не померк. Он таял постепенно,
Вылизывая сорванные когти.
Рассвет был алым. Мнилось, камень плакал,
Смахнув потемки, и под красным солнцем
В бреду метался призрак рыжей гончей.
Я знаю, что собака существует,
И совесть по ночам ко мне скребется,
И за ночь выскребает мою душу.

ЛЮБИЛ Я ВЕДЬМУ ИМЕНЕМ ИНИР

Любил я ведьму именем Инир.
Сказал себе – пусть будет то, что будет,
И смерть, и радость.
Вот она подходит и рядом, пряча лезвие, сидит.
Когтей железных в длинном рукаве
Я чувствую припрятанную муку.

И, побледнев, сижу я на холме.
Инир моя, сливаясь с пылью серой,
С когтей железных вытирает кровь
И ими горизонт мне разрывает.
Стена огня кровавит косогор,
Над горизонтом – зарево в полнеба,
Как будто мало в жизни пережил
И ужаса, и горя, и печали.
Что делать мне?
Уже ночная тень
Бежит, как ветер, по холмам окрестным.
Подходит ведьма:
«Только я одна
Пойму тебя, никто другой не сможет!»
Земля спокойна. Озеро блестит.
И с высью всё нормально, только сердце
Куда-то рвется.
Что за мир кругом?
Печален он, с такими-то когтями.
Что делать мне, скажи,
О, что мне делать?

Переводы Сергея Арутюнова

Известный казахский поэт Есенгали Раушанов (5 октября 1957 года – 16 апреля 2021 года) родился в городе Ходжели Каракалпакской АССР. В 1975–1977 гг. проходил службу в Северокавказском военном округе. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Работал в журналах «Жалын», «Арай» и «Білім және еңбек». С 1995 года до последнего времени возглавлял издательство «Жазушы». Автор поэтических книг «Бастау» («Начало»), «Келінтөбе» (название родового аула поэта), «Шолпан жұлдыз туганша» («Пока не взойшла звезда Шолпан»), «Ғайша бибі» («Мавзолей Айша-биби»), «Қара бауыр қасқалдақ» («Черногрудая лысуха»), «Бозаңға біткен боз жусан» («Белёсая полынь Ковыльной степи»), а также романа «Нұрдан жаралған» («Рожденный сиянием») и сборника новелл «Құстар – біздің досымыз» («Птицы – наши друзья»). Отдельными изданиями в его переводах вышли стихи классика узбекской литературы Хамзы Ниязи и средневековый исторический памятник «Темір жарғылары» («Уложения Тимура»).

Стихи Е. Раушанова переводились на русский, кыргызский, литовский, узбекский, украинский, болгарский и чешский языки.

Лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана и международной литературной премии «Алаш». Лауреат Государственной премии Республики Казахстан (2006). Награжден орденами «Құрмет» и «Парасат».

